

Фетишизм вокруг закона

1895, источник: [здесь](#), газета *Les Temps nouveaux*.

Под этим названием газета "Фигаро" от 28 мая опубликовала статью, стремящуюся продемонстрировать, что существуют «справедливые законы»! и «несправедливые законы». Это сделано для того, чтобы оправдать отношение духовенства, которое расстраивается, когда, поддразнивая или играя с общественным мнением, кто-то притворяется, что хочет заставить их присоединиться к стаду праведников.

Перечислив законы Кальвина и Робеспьера, которые, по их мнению, более несправедливы, чем другие, наш коллега заканчивает так:

“... личная совесть создана именно для того, чтобы проводить различие между мудрыми законами и несправедливыми законами. Это можно увидеть, не прибегая к бунту, и таким образом легально ускорить время до того момента, когда несправедливые законы падут под давлением общественного мнения

...Любопытно было бы найти у нашего коллеги в коллекции статьи, напечатанные тогда, когда шла охота на анархистов, и, после этого, дать ему вспомнить те призывы, которые он делал насчёт репрессий, исполненных с санкции закона, а также показать ему статьи с его речами о необходимости исполнять законы и применять их "твёрдо" к тем, от кого надо было избавиться. Мы, без сомнения, стали бы свидетелями, при определённых условиях, нескольких любопытных фактов, которые свидетельствовали бы о том, что в «Фигаро» расходятся мнения о законах, притом, в зависимости от того, причиняют ли они неудобства их друзьям или нет...

...Но мы не будем заниматься этим делом, слишком легким, для наших коллег. Разве не в природе самых истеричных законников кричать, как скунсы, если закон задевает их интересы, или не находить никогда его достаточно жестоким, когда речь идет об притеснении их же врагов?...

И это объясняется тем фактом, что законы - самая произвольная вещь в мире. Они обобщают дух момента, устремления партии, среднее мнение нации, но, будучи созданными людьми, они участвуют в их страстях, их недостатках, их качествах, если те, кто их создал, были искренними; они вполне могут удовлетворить тех, кто разделяет взгляды их создавших, но они оскорбляют гораздо сильнее.

Чтобы он получил единодушное одобрение, этот закон должен был бы быть абсолютно идеальным, что невозможно. Но тогда его не нужно было бы кодифицировать, его санкция была бы в самой его справедливости; мы только принимаем законы, которым сопротивляется значительная часть населения. Самые "мудрые" законы всегда найдут своих противников – даже среди тех, кто видит в Кодексе оплот безопасности, защищающий их жадность и праздность от притязаний их крепостных. С другой стороны, и самые несправедливые законы найдут защитников, потому что они были приняты только для защиты этих привилегий, для недопущения протестов.

Те, кто издает законы или отвечает за их применение, могут не допускать их обсуждения. Основанный на произволе, закон подобен вере, дискуссия - его гибель, и «Фигаро», что бы она ни говорила, выполняет работу революционера, желая подчинить закон контролю личной совести.

Анархисты давно установили, что закон – это выражение воли сильнейшего, это только инструмент в руках тех, кто обладает властью, инструмент, благодаря которому они могут узаконить в глазах глупцов отклонения от их наглости или другие меры предосторожности, которые они принимают, чтобы защитить свои привилегии, привилегии своих сутенеров и сторонников. Это то, что косвенно признается в заметке в "Фигаро".

Недавно одна газета подсчитала количество действующих законов. Их количество составляет, насколько я помню, более двухсот тысяч! Там есть законы от всех законодателей, которые когда-то управляли нами: от Конвента, от Охвостья[1], от Палаты пэров, от Наполеоновской Империи и королевской власти Луи-Филиппа, а также от Людовика IX и Франциска I.

Каждая партия, прежде чем прийти к власти, выступала против законов, которые ее угнетали. «Эти законы были несправедливы! противоправны, необоснованны!» и т.д. Придя же к власти, они пользуются этими же законами против тех, кто до них их применял. Перспектива эта менялась с изменением ситуации.

Не удовлетворяясь использованием существующих законов, каждая держава взяла на себя обязательство всё время увеличивать их арсенал. Кто-нибудь помнит обличительные речи республиканцев против закона всеобщей безопасности империи[2]? Эти державники нашли способ преодолеть это, проголосовав за законы, которые некоторые называли "негодяйскими" - что было просто болтовнёй - и которые сделали доносы, даже внутри семьи, обязательными под страхом тюремного заключения!

Конечно, силы не всегда будет достаточно для обеспечения соблюдения закона. История дает нам множество примеров, когда властям было достаточно захотеть применить законы, которые были более отвратительными, если не более абсурдными, чем другие, чтобы возбудить общественное мнение и способствовать свержению власти, которая их приняла. Помощь, которую сила приносит закону, может быть только временной, как и все, что опирается на силу; последнее имеет лишь относительную ценность, и если иногда, почти всегда до сих пор, оно на стороне угнетателей, то также периодически случается, что угнетенные находят его на своей стороне, когда они вновь осознают свое достоинство и свои права.

Кроме того, чтобы закон был принят, в дополнение к грубой силе, необходимо было придать ему определенную моральную силу, которая бы позволила его принять большинству, как социальную необходимость, иногда неудобную, но полезную для общего благополучия, и мастерство правителей состояло в том, чтобы представить его таким образом. Это объясняет весь театральный аппарат, которым он был обернут в прошлом, всю эту постановку, весь этот маскарад, столь нелепый сегодня для тех, кто размышляет, но который власть имущие хотят сохранить, потому что постановка всегда обладает даром производить впечатление на дураков и влиять на них.

В прошлом власть утверждала, что она от Бога! Обладатели власти были на земле представителями божественного величия, и их волю нужно было уважать так же, как и указы провидения. Поскольку Бог непогрешим, его посланники разделяли его всеведение и всемогущество. Подвергать сомнению их приказы было святотатством; поэтому во времена всеобщей религиозности власть уважали так же сильно, как и боялись, притом даже без низких поступков, совершаемой ею, которые, казалось, должны были бы подрывать её авторитет.

Но человеческая эволюция завершила, медленно, бесчувственно, но верно свою критическую работу. Божественность была поставлена под сомнение, и, как следствие, легитимность власти, как божественной сущности, подверглась критике. Результатом стало падение королевской власти божественного права, приход к власти класса буржуазии.

Она, придя к власти, создала, чтобы самой закрепиться, новую теорию авторитета. Сверхъестественная сущность-Бог, утратила свой вес, вместо неё была создана сущность-нация, которая впоследствии была преобразована в сущность-общество. Закон был уже не божественной волей, а народной волей. Чтобы придать грубой силе, которой она только что овладела, моральную силу, без которой ничто формальное долго не держится, буржуазия начала ссылаться на волю общества для принуждения воли индивидуальной.

Королевский парламент, который всегда стремился расширить свои полномочия, посягая на полномочия королевской власти, был отличной, готовой машиной для того, чтобы стать священником новой религии. Он был очищен, он стал более тесно связан с государством;

его независимость была урезана. Оплаченный государством, завербованный государством, он был полностью поработан, но, к его чести, необходимо было сохранить видимость и придать ему подобие свободы: чиновники были объявлены несменяемыми! Только по тому, что продвижение по службе всегда зависит от господина, можно судить, чего может стоить эта псевдосвобода.

До тех пор, пока люди верили в справедливость закона большинства, в то, что социальные потребности важнее индивидуальных, законы, которые буржуазия использовала или издавала в своих интересах, были терпимы для масс. Если возникал ропот о том, что он слишком сильно давит на личность, его оправдывали, ссылаясь на общие интересы, и "Народная воля" выгодно заменила "Божественную волю" в качестве средства управления.

Судейство стало грозной властью; именно она взяла на себя преемственность власти божественного права, которая была обезглавлена на площади Революции; она распоряжалась жизнью и свободой граждан по своему усмотрению, отчитываясь за это только перед собой. «Письма с печатью об аресте» старого режима были выгодно заменены «ордером на арест». с той разницей, что эти письма, как правило, применялись только против влиятельных людей, а «ордер на арест» выдавался только против черни, и что, чем менее влиятельными они были, тем сильнее страдали от его последствий. Последний из судей и законописателей стал равным старым властителям, его подписи, прикрепленные к нижней части документа, достаточно, чтобы заточить в камеру того, кто ему не понравится, на срок, который ему просто захочется.

Революция 1789-го года сместила власть, но была в этом осторожна, стараясь не повредить ей. Те, кто был в середине пирамиды власти, стали вершиной, но те, кто был внизу, остались там же, и машина продолжала давить их, не давая им возможности увидеть какие-либо изменения, кроме формы правления и состава правителей.

Было бы преувеличением сказать, что никаких изменений не произошло. Вместо того чтобы ссылаться на «королевскую волю» и его божественность, говорили: «от имени народа». Чтобы покарать, склонить к повиновению, больше не заставляли преклонять колени перед королем, перед священником, перед господом, материальными существом, они были повержены перед сущностями: «Национальный суверенитет»! «Закон»! Людей заставляют верить, что их благополучие, их безопасность, хороший общественный порядок зависят от отречения от всего, от стирания индивидуальности перед общей волей! или около того, - и невежественные люди склонились перед своими новыми хозяевами, как они делали это перед старыми.

Но, стремясь подорвать божественное происхождение власти, буржуазия нанесла ей смертельный удар. С того дня, как это начало обсуждаться, послушание было скорее кажущимся, чем реальным, уважение к авторитету было подорвано в его жизненно важных частях. Пересоздание этого принципа, сделанное буржуазией из того, что от него осталось, долгое время никого не могло убедить подчиняться.

Физика учит, что падение тел ускоряется по мере приближения к поверхности Земли, причем скорость увеличивается сама по себе. То же самое относится и к прогрессу человеческой эволюции. Чем больше точек соприкосновения внутренних способностей мозга с внешним миром, тем больше он способен приобретать новые, и тем быстрее идёт усваивание их. Потребовались тысячи лет, чтобы свергнуть власть меча, власть божественного права, которые поддерживали друг друга, одного столетия было достаточно, чтобы сломить власть цифр и аргирократии (власть финансовой аристократии). В настоящее время его больше не уважают; те, кто его придерживается, даже не верят в него, пояс, который он хотел надеть на человека, трещит со всех сторон, его догмы рушатся под руками тех, кто хочет их проанализировать; в настоящее время его поддерживает только грубая сила, его окончательное падение - всего лишь вопрос секунд в хронологии эволюции человека.

Вот почему «Фигаро», как защитница привилегированных, неправа, заявляя, что личная совесть выше закона. Для сторонника законности нет, не может быть несправедливых законов! Закон священен, закон справедлив, закон мудр, потому что это закон. Желание обсуждать это - акт бунта, это начало неподчинения. Любой обсуждаемый приказ выполняется только наполовину; с того дня, когда каждый сможет обсуждать любой закон, принимать его или отвергать, ссылаясь на свои собственные представления, больше не будет приемлемых национальных законов.

Нет такого закона, который в силу того, что это закон, не ущемлял бы кого-то в его индивидуальности, его чувствах или его автономии. Это более чем акт веры - просить людей, которым он причиняет боль, соблюдать его, даже если они признают его несправедливым. Это *credo quia absurdum* (верую, ибо абсурдно) святого Августина. Слабые и робкие могут склониться перед ним, но сильные и достойные всегда откажутся смиренно подчиняться тому, что осуждает их разум.

Именно тогда человек вынужден призвать все общественные силы для обеспечения соблюдения законов, что доказывает, что мы правы, говоря, что закон - это выражение воли сильнейшего, и что статья в «Le Figaro» косвенно признает.

Примечания

[1] Название парламента Англии в 1648-1652 годах. Охвостье в смысле остаток от прежнего состава парламента, его малая часть.

[2] Закон, принятый в 1858-м году во время правления Наполеона III

Версия #1

создал 8 июля 2025 20:32:54
обновил 8 июля 2025 20:35:58